

Москвичка "Анюта" на сцене МАЛЕГОТа

Большой театр показал в Петербурге "Анюту" — так открылся фестиваль музыки Валерия Гаврилина. Черно-белыми афишами, обещающими Светлану Лунькину (заглавная партия) и Владимира Васильева (в роли отца героини), было оклеено полгорода. Зазывная растяжка красовалась поперек Невского еще несколько дней после спектакля. Театральные кассы пугали балетоманов немилосердной ценой билетов. Однако зал Театра имени Мусоргского был забит (что там наблюдается нечасто).

Прорвавшиеся-таки балетоманы подсчитывали в фойе прибывающих VIPs и горячились: единственным слабым местом предстоящего зрелища, по их мнению, была балерина — Светлана Лунькина. Балетоманы хотели "хотя бы" Нину Ананишвили ("По крайней мере, есть на что посмотреть: красавица!"). Местный снобизм объяснить нетрудно. Лунькину в Петербурге лицезрели года два

назад на обменных гастролях — в "Жизели". Впечатления "чужда с косичками" она не произвела. Петербург видел "чудеса" и более артистичные (Диана Вишнева), и более техничные (Светлана Захарова). Однако в "Анюте" о снобизме можно было забыть. Бешеные восторги или яростные стрелы были попросту не к месту — танцевала приятная молодая солистка с пикантным личиком, непритязательными манерами и заметно окрепшей со времен "Жизели" техникой (проблемы возникли только в моторной пуантовой "Тарантелле").

Впрочем, не она была главным сюжетом события. И даже не сам спектакль: его художественная актуальность, вопреки неизбыточным достоинствам музыки Гаврилина, давно просрочена. Балетоманы, важные персоны, критики и просто зрители собрались ради Владимира Васильева. 59-летний директор-худрук Большого, сойдя со сце-

ны в статусе легенды русского балета несколько лет назад, рискнул вернуться туда всего на один вечер. Он не единственный такой среди своего поколения: подобные "выходы" на сцену совершают многие. Публика относится к этому по-разному. Одни негодуют: "Балет — искусство молодых!" Другие — сочувственно опускают глаза, как если бы были свидетелями наркотической ломки (кто из великих не признавался в пору расцвета, что сцена — это наркотик?). Третьи — благодарят судьбу, что успели вдохнуть дым легенды. Для четвертых это подобно засушенной розе: на нее смотрят не ради красоты самого цветка, а ради связанных с нею воспоминаний. Однако споры бурлят в фойе и театральных коридорах. В зрительном зале все затухает. По креслам и ложам, легальным приставным стульям и незаконно захваченным "зайцами" барьерам разливается благодатная и всепрощающая атмосфера домаш-

него музицирования. Когда все (и сам виновник торжества в том числе) понимают, что 59 лет — это не шутка: морщины уже нет нужды наводить гримом, седина натуральна, а прежнюю талию не вернуть. Да при чем здесь талия! — был бы задор.

Задор был. Васильев, вырвавшись из административных кабинетов на вольные сценические просторы, выказал такой молодецкий энтузиазм, что публика только диву давалась. Балетоманы хватились за сердце, когда В.В. бросался в омут туров. Благополучно выныривал, к всеобщему облегчению. И минуту спустя уже откалывал колена на балу. Прочие солисты (за редкими исключениями), видимо, опешив от такого напора, совсем потерялись и до конца спектакля словно бы пребывали в раздумьях о собственной пенсии.

Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург